

Историческое событие и время в контексте « ритмической парадигмы »

mardi 15 décembre 2015

Ce texte a déjà paru dans Диалог со временем, Dialogue with time. Intellectual history review, Issue 49, 2014, p. 14-27. Nous remercions Zinaida Tchekantseva de nous avoir autorisé à le reproduire ici.

Историческое событие и время в контексте « ритмической парадигмы »

В последние десятилетия концепт *ритм* чрезвычайно популярен в науке и искусстве. Известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия / взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Опираясь на современные аналитические и конкретно-исторические исследования ритма, исторического события и времени, автор статьи показывает, что эти трансдисциплинарные поиски вписываются в формирующуюся на рубеже XX-XXI вв. « ритмическую парадигму ». При этом характер ее становления и новые способы исследования времени, ритма и события в междисциплинарном пространстве проблематизируют структуралистское понятие парадигмы, введенное в историю науки Т. Куном.

Ключевые слова : *проект RHUTHMOS, ритм, время, историческое событие, ритмическая теория.*

Historical event and time in the context of 'rhythmic paradigm'

The concept of rhythm has become increasingly popular in science and art of the last decades. It is known that rhythm – one of life's organizing forces – does not only generate questions about temporal and spatial characteristics of events but is also intertwined with problems of the contents and forms of various phenomena (rhythm of sound/colour, rhythm of action/interaction, rhythm of order/disorder etc.) The analysis of this concept leads to the character of a society, its practices, the relations of power, forms of thought and action, conceptual tools of scholars and other realities of human and natural life. The author based her work on contemporary analytical and case studies of rhythm, historical event and time ; she demonstrates that this trans-disciplinary search fits into the 'rhythmic paradigm' that has been emerging since late 20th – early 21st cc. The character of its development and new ways of studying time, rhythm and an event in interdisciplinary field problematize a structuralist interpretation of paradigm introduced by Thomas Kuhn.

Keywords : *the RHYTHMOS project, rhythm, historical event, rhythmic theory.*

Zinaida Chekantseva, D^r Sc. (in history), Professor, Senior Research Fellow, Institute of World History (RAS) ; achekantzev@mail.ru

Давно известно, что ритм как одно из организующих начал жизни не только порождает вопросы, связанные с темпоральными и пространственными характеристиками происходящего, но и вплетен в проблематику содержания и формы самых разных явлений (ритма звукового/цветового, ритма действия/взаимодействия, ритма порядка/беспорядка и проч.). Научная работа с этим понятием отсылает к характеру социума, его разнородным практикам, властным отношениям, формам мысли и действия, понятийному инструментарию исследователей и многим другим реалиям человеческого и природного существования. Понятие ритма присутствует во множестве дисциплин : физике, биологии, географии, антропологии, психологии, эстетике, музыковедении, поэтике, лингвистике, социологии, истории. Велик соблазн видеть в ритме « перекресток », место встречи различных способов познания. Проблема заключается в том, что *ритм* как концепт или понятие не подлежит однозначному определению. Еще Поль Валери, рассмотрев это понятие с разных позиций, выявил не менее двадцати разновидностей ритма, но признался, что ни одна из них не является достаточной, чтобы дать исчерпывающую характеристику этому явлению [1]. Многие исследователи отмечают туманный характер этого понятия. Причем многозначность присуща не только собственно концепту : даже внутри одной дисциплины существует разное понимание его природы и содержания. Тем не менее, с 1990 г. после длительного перерыва, связанного, отчасти, с безраздельным доминированием *знака* в структурализме, начинается ренессанс ритмических исследований, оформляется ритмическая теория.

В 2010 году французский историк и философ Паскаль Мишон [2], учитывая растущий интерес к ритмическим явлениям в разных сферах освоения мира, а также к концепту *ритм* как аналитической категории, создал в Интернете международную трансдисциплинарную платформу изучения ритмов в науке, философии и искусстве – RHYTHMOS. Создавая этот сайт, на котором сегодня помещены материалы более 200 авторов, Мишон, помимо прочего, хотел проверить свою гипотезу о том, что на рубеже XX–XXI вв. формируется новая научная парадигма – *ритмическая* [3].

Понимая научную парадигму, как « совокупность наблюдений, проблем, методологических указаний и результатов, ориентирующих практику различных наук в определенный период », Мишон, идентифицируя парадигму в истории науки, выделяет принципиальный концепт и дисциплину, являющуюся эпистемологической моделью. При таком подходе во второй половине XX века в мировой науке, по Мишону, сосуществовало четыре основных парадигмы. В 1950–1960 гг. это структурализм (концепт – *структура*, ведущая дисциплина – лингвистика) ; системная парадигма (концепт – *система*, дисциплина – кибернетика). Начиная с 1970-х и

особенно в 1980-е гг. эти две модели постепенно начинают теснить два новых концепта – *различение* и *индивид*, которые вступают в весьма сложные отношения с двумя старыми моделями. При этом в 1990 гг. в первой модели лингвистику в качестве « парадигмального центра » сменяет философия темпоральности, а во второй на смену кибернетике приходит экономика. В наши дни судьба этих парадигм интенсивно обсуждается. Но, по мнению Мишона, ни одна из них не соответствует больше реалиям стремительно меняющегося мира : « радикальный исторический разрыв (*la coupure*), через который мы только что прошли, сделал эти интеллектуальные модели устаревшими ».

В новом глобализированном мире трансформации реальности опережают разработку теоретического инструментария для ее анализа [4]. В условиях тотальной коммерциализации человеческих отношений « десистематизация », « разгосударствление », « раздисциплинирование » присутствуют во всех сферах жизни. Разобраться в этом при помощи традиционных объяснительных схем и привычных концептов « система », « структура », « индивид », « взаимодействие » удастся не всегда. Радикальная критика мирового порядка тридцати-сорокалетней давности определенно утрачивает свой освободительный заряд, превращаясь в опору неолиберализма. Ситуация осложняется тем, что переизбыток информации и ее доступность породили так называемый « академический фагоцитоз », проявляющийся в поверхностном переваривании критической мысли, которая является лишь поводом для получения научных степеней и бесчисленных комментариев [5]. Все это делает задачу обновления концептуального мышления прагматической необходимостью.

На рубеже XX-XXI вв. в научном мире, в том числе в науках о человеке и обществе, происходят существенные изменения, которые едва успевают отслеживать специалисты. В 1996 г. комиссия ученых под руководством И. Валлерстайна выделила несколько главных аспектов порожденного этими изменениями обновления : проблематизация границ между человеком и природой ; восстановление в правах времени и пространства как важнейших составляющих аналитического инструментария социальных наук ; учет историчности социальных феноменов и перенос акцента на сложность, темпоральность и нестабильность социальных явлений ; пересмотр фундаментальных дихотомий социальных наук : единичное – общее, универсальное – особенное, индивидуальное – коллективное, микро – макро и прочее ; интернационализация науки : преодоление государствоцентричного характера социальных наук и проблематизация естественности государства, длительное время считавшегося главным распорядителем границ, в рамках которых разворачивается действие и его анализ ; смягчение демаркаций, установленных в XIX в. между экономическим, политическим и социальным в пользу полидисциплинарных подходов [6].

Речь идет, по сути, о пересмотре эпистемологических основ социогуманитарного знания, выводящем на первый план двойное требование : плюрализма и открытости. За прошедшее время многое в этом диагнозе подтвердилось, и сегодня можно говорить о развитии социальных наук в духе « плюралистической универсальности », позволяющей учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях и в соответствии с различными методологическими установками. При этом имеется в виду универсальность нового типа, при которой не только « части входят в целое, но и целое в части » (Э. Морен). Стержнем всех без исключения дисциплин является более внимательное отношение к темпоральным и пространственным измерениям исследуемых явлений и процессов. Мир, находящийся « в пункте системной бифуркации » [7] и новом « режиме историчности » [8]

заново формулирует проблематику социального изменения, отдавая предпочтение не столько генезису, сколько становлению. Более тесными стали отношения между историей и другими социальными и гуманитарными науками. Междисциплинарные исследования уже не только научная мода, но весьма результативный подход к решению исследовательской задачи. Явно уходит в прошлое недооценка связей с философией. В условиях рефлексивного поворота в социальных науках и кризиса нормативной классической эпистемологии интенсивно развивается в последние годы прагматически ориентированная, тесно связанная с историографией историческая эпистемология.

В мировой науке активно идет поиск гибких и динамичных исследовательских подходов, способных объединить эмпирические и рефлексивные аспекты в исследовательской деятельности. В русле таких подходов объект изучения и рефлексия ученого неразрывно взаимосвязаны и переопределяются в терминах « сложного мышления » (Э. Морен). При таком понимании « теория », исследовательский инструментарий ученого предстает как « ящик с инструментами » (метафора Л. Витгенштейна), который создается самим исследователем в каждой конкретной ситуации, по сути, « заново ». Как свидетельствуют многочисленные конкретно-исторические исследования последнего десятилетия, такая стратегия позволяет открывать новые исследовательские поля и получать принципиально новое знание. Приоритетное значение при этом приобретают способы производства знания, осмысление роли ученого в этом процессе, анализ того, как он работает, посредством каких процедур, исследовательских стратегий и теоретикометодологических установок достигается научный результат.

Одно из направлений поисков связано с переосмыслением концепта *ритм* и применением в исторической антропологии, исторических и политических исследованиях *ритмической теории*, разработанной в антропологии, социологии и лингвистике. Еще в начале прошлого века М. Мосс сформулировал тезис : « Человек – это ритмическое животное » [9]. Изучение темы ритма, начатое в 1990-е гг. на пересечении философии, социальных наук и поэтики, показало, что она содержит в себе мощный эвристический потенциал. Стало ясно, что на протяжении всего XX века с небольшими перерывами ритм являлся объектом пристального внимания не только в естественных науках и философии, но также в социологии, антропологии, психологии, психоанализе, киноведении, литературоведении, истории [10].

Осмысление полученных результатов позволило реконструировать в духе радикального историзма генеалогию концепта ритм и предложить другое его содержательное наполнение. Не отрицая широко распространенного понимания ритма как темпа П. Мишон предлагает вернуться к более широкому, по его мнению, доплатоновскому концепту *rhuthmos*, (букв. *рифма*) который, как показал Э. Бенвенист, означал в Древней Греции « форму движущегося » [11]. Так понимаемый ритм позволяет помыслить и описать то, что раньше представлялось невидимым : не столько интеракции индивид/индивид или система/индивиды, сколько « манеру течения » (*manière de fluer*), общую организацию этих интеракций. В результате на первом плане оказывается процесс формирования индивидов (*индивидуация*) и выявление темпоральной и пространственной организации этого процесса.

Обычно под индивидуацией понимается формирование единичного индивида, принадлежащего самому себе и отличающегося от других. Эта концепция – основа этики и политики либерального индивидуализма, а также индивидуалистической методологии, которая, по мнению Мишона, во многом себя исчерпала. Считается, что модель « индивидасобственника »

(*individe-possesive*) оформилась в XVII–XVIII вв. Однако в эпоху Просвещения существовала также альтернативная модель, хотя и менее заметная. В русле этой модели, сформировавшейся в артистических кругах в практиках производства и обмена не экономического, а художественного рода, индивид осмысливался в терминах « манеры », способа существования. Известно, что эту модель использовал Д. Дидро при анализе художественных практик. Она позволяет критически переосмыслить процесс формирования индивида. В отличие от « притяжательного индивида » или « индивида-посессива » (понятия введенного в науку Гоббсом и Локком), « индивид-манера » не сводим к самому себе, он существует только во взаимодействии с публикой. Среди бесчисленных « способов течения » (*les façons de fluer*) « хорошими » можно назвать те ритмы, которые позволяют единичным и коллективным индивидам найти для себя наилучшую манеру изменения. В идеале это способен сделать творческий человек, художник, поскольку ритмы индивидуации художника не обязательно предполагают состояние борьбы, войны и проч. Один великий мастер не отменяет другого, они сосуществуют.

По Мишону, процесс индивидуации (единичной и коллективной) включает как минимум три аспекта : « телесность », т.е. техники, организующие « течение тел », (Мишон вводит новый термин течение – *le fluement*) ; « дискурсивность », т.е. техники, организующие языковую деятельность (*langage*), то, что принято сегодня называть дискурсом, и « социальность », т.е. техники, определяющие формы интенсивности взаимодействий тел-языковых практик. Мишон называет это « ритмической организацией процесса индивидуации ». Важно, что все три аспекта индивидуации неразрывно связаны между собой. И только в результате переплетения телесности, дискурсивности и социальности конституируются « души ». « Ритм индивидуации » Мишон представляет как универсальное свойство человека. В каждый исторический период, в каждой рассматриваемой группе такие техники формируют сложный диспозитив – ритм ритмов. Получается, что индивидуация не сводится к интеракциям между нормами и существующими ценностями, с одной стороны, и сознанием уже оформившихся индивидов, с другой.

Все эти любопытные теоретические размышления позволяют переосмыслить понятия индивида и субъекта, индивидуации и субъективации. В социальных науках, да и в философии субъект, по мнению Мишона, остается неясным пятном, несмотря на то, что очень многое уже сделано. Например, историки давно изучают тело во всех его проявлениях : сексуальность, гендер, восприятие, вкус, обоняние, видение ; всесторонне исследуются сансибилите, воля, разум, память, а также эмоции, чувства, воображаемое. Предпринимаются настойчивые, хотя и не всегда успешные попытки понять метаморфозы идентичности. Целый букет блестящих исследований создан в русле исторической антропологии. Но современная историческая антропология по Мишону, это « букет без вазы ». Ибо единственная история, которая могла бы придать смысл этому плодотворному поиску – история субъекта – до сих пор не написана [12]. Мишон отмечает два основных препятствия для понимания субъекта. Во-первых, это абсолютизация понятия социального как в холистской перспективе, так и в перспективе методологического индивидуализма, что приводит к смешению концептов субъекта и индивида. Во-вторых, в социальных науках отсутствует лингвистическая теория, которая не сводила бы языковую деятельность к одной из сфер социального. Между тем развитие теории речевой деятельности и поэтики во второй половине прошлого века открыли новые перспективы. Ряд авторов (М. Бахтин, Э. Бенвенист, А. Мешоник) показали, что языковая деятельность (*лангаж*) – это не просто подсистема социума, но интерпретант социального. Это деятельность, позволяющая конституировать человеческую жизнь, взаимодействовать с миром и другими людьми.

По-новому понятый ритм представляется Мишону хорошим средством уловить индивида в его «текучности». Причем не только в нашей динамичной модерности, но и в каждый исторический момент во всех обществах. Это открывает новые возможности, в том числе в изучении исторического события и тесно связанной с ним проблематики исторического времени. Не удивительно, что в проекте RHUTHMOS активно участвуют историки. Например, Ж.-К. Шмитт, изучив «ментальный инструментарий» медиэвистов, преимущественно французских, работающих с проблематикой исторического времени пришел к выводу, что именно ритмы позволяют лучше понять динамику истории и природу исторического изменения [13]. Шмитт и его коллеги участвуют в научных мероприятиях в рамках проекта RHUTHMOS. Кроме того, Ж.-К. Шмитт уже несколько лет работает над книгой о ритмах в Средние века на Западе. В одном из докладов, размышляя о социальных ритмах в Средние века, ученый показал, что в ту далекую эпоху *rhuthmus* был связан главным образом с дискурсом, с поэтикой и риторикой, с поэзией и ритмической прозой [14]. Однако в небольшой книге, опубликованной в начале 2014 г., ритм в Средние века исследуется как «манера течения», как способ «организации изменения» во многих других сферах жизни [15]. Историки осваивают идеи ритмической теории на конкретном материале других эпох. Так, группа французских ученых предложила новое видение истории Пятой республики, в основе которого размышления о ритмах экосистемы Франции за последние пятьдесят лет [16]. Это важно, поскольку одна из главных задач проекта RHUTHMOS – не только уточнение интегративных возможностей концепта *ритм*, но прежде всего междисциплинарные конкретно-исторические исследования различных явлений с использованием элементов ритмической теории.

Тема ритма органично сопряжена с проблематикой времени и исторического события. При этом исследование ритма, времени и события явно связано с синергетикой, с теориями самоорганизации и хаоса. Исследование исторического события и времени в науках о человеке и обществе активизировалось лишь в конце 1980-х гг., когда историки одновременно с физиками «переоткрыли» время как особый исследовательский «объект», длительное время оставшийся «немыслимым» в исторической дисциплине (М. де Серто) [17].

Историческое событие, являясь стержнем историописания, до сих пор имеет статус одного из самых трудных для понимания явлений и категорий научного анализа [18]. История, оформляясь в социальную науку, конституировала свою научность против события: критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного, сингулярного считалось невозможным. Однако событие всегда возвращалось. Сегодня изучение события имеет трансдисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикёр, А. Бадью и др.). Например, онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispertion*), множество. Это то, что происходит здесь и там, это многоголовое чудовище» [19].

Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: несингнификативное событие [20]; упорядоченность и торжество смысла, доходящее до бессобытийности; появление сверхсингнификативных, сверхзначимых событий [21]. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на положение вещей. На втором уровне уникальность события растворяется в соответствующем паттерне,

вплоть до полного отрицания события. Третий уровень имеет интерпретативный характер, при нем событие исследуется как единичное явление, наделенное сверхсмыслом » [22].

Ж. Делёз полагал, что событие – это и есть смысл, рождающийся « в развилке времени » (*ligne de partage*). Правильнее, видимо говорить о времени во множественном числе, поскольку, размышляя о темпоральной природе событийности, Делёз пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее [23].

Постепенно историки осознали, что ни контекстуализация, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождает их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Делезом ученые поняли, что событие – это воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершеному прошлому, ибо постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем, играя в нем определенную роль. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Носителями событийной темпоральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки хорошо знают, как сложно согласовать различные свидетельства источников об одном и том же событии. Получается, что « событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей » [24].

Погружаясь в темпоральную проблематику, историки стали изучать и осмысливать « время » событий : время бунта, праздника, ритуала, сражения, время политических выборов, переворотов, революций и проч. Линейное время традиционной историографии « приручало » событие, вписывая его в определенные хронологические / пространственные рамки и столь же определенные « порядки » навсегда ушедшего « прошлого ». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет лучше описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности.

Осознав роль исторической памяти, историки на материале разных эпох показали важность следов события и метаморфозы его смыслов в ходе длительного существования [25]. Это

радикально изменило перспективу исторического исследования. Если раньше очень разные историки стремились объяснить настоящее с помощью прошедшего, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, в которой событие интерпретируется в свете породивших его причин и обращаются к герменевтике события, фокусируя свое внимание на следах того, что произошло. В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно « имело место », но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности « факты », но и нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками. Большое количество исследований написано сегодня именно в такой оптической перспективе.

Для того чтобы понять историческое событие и взаимоотношения людей в разных контекстах, Мишон предлагает сосредоточиться на действии и его организации, т.е. выявить и описать « манеру течения », способы телесной, языковой и социальной активности, в ходе которой единичные и коллективные индивиды появляются, самоопределяются и исчезают. При этом Мишон проблематизирует широко распространенное объяснение происходящего сегодня общим ускорением исторического развития. Время – важная составляющая такой активности, но скорость ее течения, по мнению ученого, не является определяющей. Важнее скорее, то, каким образом организованы « способы течения » основных видов такой активности – телесные, языковые, социальные, т.е. важно показать их ритмы, а также разнообразные качественные характеристики единичных и коллективных индивидов. При этом Мишон обосновывает примат языковой деятельности (лангаж) в этих « способах течения ».

В условиях постнеклассического познания, вероятно, следует перестать доверять куновской концепции научной парадигмы, которая является продуктом структуралистской эпохи и никогда без оговорок не принималась социальными и гуманитарными науками [26]. В историографической и социокультурной ситуации последних десятилетий Мишон предлагает иное понимание парадигмы, становление которой происходит в ритмическом режиме. Она формируется в междисциплинарном исследовательском поле « как единый и многосложный ансамбль специфических способов (манер) течения мысли, каждый из которых сохраняет свою специфику [27]. Стержень такой « парадигмы » составляет критический плюрализм, позволяющий сосуществовать разным подходам и концепциям, не претендующим на истину в последней инстанции, но отслеживающий обоснованность каждой из точек зрения в целях использования возможных результатов в интересах познания и культуры. При этом время, в том числе время событийное, включено в эту « парадигму » со всеми своими свойствами, соединяясь с языковой деятельностью как антропологической основой социального мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бауман З. Текущая модерность : взгляд из 2011 года. URL : <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно ? Ничто никогда не изменится ? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8-21.

Воробьева О.В. О событии и событийности в историческом познании // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 31-44.

Делёз Ж. Логика смысла. М. : Раритет, Екатеринбург : Деловая книга, 1998.

Досс Ф. Как сегодня пишется история : взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю ? М. : РОССПЗН, 2013. С. 9-56.

Ландольт Э. В ритме происходящего : Рец. : Pascal Michon. [Les rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé. Paris. Les Prairies Ordinaires, 2007 // Пушкин. 2009. № 1.

Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна : Сборник переводов и рефератов. Мн. : Изд. ООО « Красико-принт », 1996. С. 74-97.

Чеканцева З.А. « Нарративное » время историка // Историческая наука сегодня : Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М. : ЛКИ, 2012. С. 55-74.

Benveniste E. La notion de "rythme" dans son expression linguistique [1951] // *Problèmes de linguistique générale*. Paris : Gallimard, 1966.

Bourassa L. La forme de mouvement (sur la notion de rythme) // *Horizons philosophique*. 1992. Т. 3. N 1. P. 103-120.

Comprendre la V-e République. Sous la direction de G. Garrigues, S. Guillaume, J.-F. Sirinelli. Paris. PUF. 2010.

Hartog F. *Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps*. Paris ; Seuil, 2003.

Michon P. *Comme un bouquet sans vase. Pour une anthropologie historique du sujet et de l'individu*. Les Editions Rhuthmos, 2011.

Farge A. *Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux* // *Terraine*. 2002. N 38. P. 69-78.

Formarier M., Schmitt J.-C. (dir.). *Rythmes et croyances au Moyen Age*. Bordeaux. Mediaevalia. 2014. 152 p.

Latour B. Avons nous besoin de « paradigmes » ? // *Chronique d'un amateur de sciences*. Paris. Press des Mines. 2006. URL : <http://books.openedition.org/pressesmines/164>.

Michon P. *Les Rythmes du politique. Démocratie et capitalisme mondialisé*. Paris. Les Prairies ordinaires, 2007.

Michon P. *Marcel Mauss retrouvé. Origines de l'anthropologie du rythme*. Les Éditions Rhuthmos, (2010) 2015.

Michon P. *Rythmes, pouvoir, mondialisation*. Paris : PUF, 2005.

Michon P. Sommes-nous en train d'assister à l'émergence d'un nouveau paradigme scientifique : le paradigme rythmique ? // *Rhuthmos*, 6 décembre 2011. URL : <http://rhuthmos.eu/spip.php?article342>.

Ouvrir les sciences sociales. Rapport de la Commission Gulbenkian pour la restructuration des sciences sociales, présidée par I. Wallerstein. 1996. URL : http://classiques.uqac.ca/contemporains/WALLERSTEIN_Immanuel/ouvrir_les_sciences_sociales/ouvrir_les_sciences_sociales.html

Rousso H. *Le syndrome de Vichy : de 1944 à nos jours*. Paris. Seuil. 1990.

Schmitt J.-C. Le Temps. « Impensé » de l'histoire ou double objet de l'historien ? // *Cahiers de civilisation médiévale*. 48e année (n°189). Janvier-mars 2005. P. 31-52.

Schmitt J.-C. Pourquoi et comment étudier les rythmes sociaux au Moyen Âge ? *Rhuthmos*, 1er juillet 2013 [en ligne]. URL : <http://rhuthmos.eu/spip.php?article932> (date обращения : 20.07.2013).

Notes

[1] Bourassa, 1992, p. 103.

[2] Книги и статьи П. Мишона, работающего в русле интеллектуальной истории четверть века, захватывают оригинальностью идей, новизной проблематики, ясностью и глубиной аргументации. По мнению Анри Мешоника, этот ученый – « живое воплощение современной трансдисциплинарности » : он свободно ориентируется не только в истории и философии, но и в других науках, включая естественные.

[3] Michon, 2011.

[4] Michon, 2007.

[5] Ландольт, 2009.

[6] *Ouvrir les sciences sociales*, 1996.

[7] Валлерстайн, 1997.

- [8] Hartog, 2003.
- [9] Michon, 2010.
- [10] Michon, 2005.
- [11] Benveniste, 2011.
- [12] Michon, 2011.
- [13] Schmitt, 2005. С. 51.
- [14] Schmitt, 2013.
- [15] Formarier, Schmitt, 2014.
- [16] *Comprendre la Ve République*, 2010.
- [17] Чеканцева, 2011.
- [18] Воробьева, 2014. С. 31-44.
- [19] Фуко, 1996.
- [20] *Significare lat.* – значить, иметь смысл.
- [21] Ricoeur, 1991, p. 51-52.
- [22] См. также : Досс 2013. С. 35-36.
- [23] Делёз, 1998.
- [24] Farge, 2002.
- [25] См. напр. : Dupront, 1977 ; Duby, 1973 ; Rousso, 1990.
- [26] Б. Латур, размышляя о сомнительной полезности этого понятия, считает, что его значение в науке явно преувеличено. Это « слово-чемодан », иронично пишет философ, стало главным багажом ученого, находящемся во внешнем кармане с надписью « философия науки ». Но оно означает всего лишь исследовательскую практику, « *modus operandi*, позволяющий внезапно проявляться новым фактам ; это больше похоже на дорогу к экспериментальной площадке, чем на некий фильтр, который бы навсегда приукрасил данные ». Куновская « парадигмальная революция », считает Латур, ничего общего не имеет с историей наук, ее ритмами, темпом и составляющими компонентами. Latour, 2006.
- [27] Michon, 2011